

**ФЁДОР ПЕТРОВИЧ
ЛИТКЕ**

**ДНЕВНИК,
ВЕДЕННЫЙ ВО ВРЕМЯ
КРУГОСВЕТНОГО ПЛАВАНИЯ
НА ШЛЮПЕ «КАМЧАТКА»**

Москва
T8 RUGRAM
2019

Литке, Ф. П.

- Л64 Дневник, веденный во время кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» / Ф.П. Литке. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 132 с. — (ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ).

ISBN 978-5-521-77144-8

«Ничто так не развивает ум, как путешествие», — говорил Эмиль Золя, понимая, что мало какие ощущения могут сравниться с открытием неизведанных уголков, далеких и близких, на нашей Земле.

На протяжении всей истории человечества путешественники считались героями, странниками, оставляющими привычный уклад жизни и отправляющимися в неизвестность. Стремление к дальним горизонтам, к неизвестности, лежит в основе человеческой природы, а наиболее успешные — или наиболее авантюрные — попытки покорить неизвестные дали неизменно вписываются в список величайших свершений. Будь то доисторический абориген на хлипком судне, античный мореплаватель, средневековый торговец, просвещённый гуманист семнадцатого века или полярный исследователь века двадцатого — все они составляли когорту великих странников, устремленных в неизвестность. Их истории, воспоминания и жизни — образцы высшего проявления человеческих возможностей и человеческого духа.

Серия «ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ» — способ познакомиться с историями многих великих географов, первооткрывателей и исследователей, узнать больше об их жизнях, переживаниях и свершениях.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС WTL
BISAC FIC000000

КРОНШТАДТ

[15–26 августа 1817 г.]

15 (27) августа вытянулись мы на рейд и перебрались все на судно. Итак, думал я, наконец готовы мы распрощаться со своим отечеством, родными и друзьями, т[о] е[сть]¹ со всем тем, что для человека может быть любезного и святого, чтобы заключиться на несколько лет в тесном своем кругу; труды, опасности и скучная единообразность нас ожидают; единая надежда совершить благополучно путешествие и возвратиться в объятия родных и приятелей своих, увидеть много нового, любопытного, научиться многому, чему бы в недрах отечества своего никак нельзя было научиться; надежда, что путешествие наше будет не без пользы для просвещенного мира и не останется без награды со стороны монарха; единая только надежда сия, говорю я, нас подкрепляет.

16. О цели путешествия нашего мы еще ничего положительного не знаем, но имеем много причин заклю-

¹ Здесь и далее: в квадратных скобках указаны доработки авторского текста редактором.

чать, что оно будет во всех отношениях презанимательное и важное. На последней аудиенции сказал император капитану нашему: «Ты имеешь редкий случай сказать своему государю правду; я часто употребляю несколько месяцев, чтобы узнать истину о том, что делается около меня, но за тринадцать тысяч верст я никакого не имею на то способа; я надеюсь, что ты известишь меня откровенно о всем, что происходит в селениях нашей Американской компании, о которой я слышал много худого». Слова сии доказывают, что государь к капитану нашему имеет большую доверенность.

Сегодня роздана каждому из нас печатная инструкция о порядке, какой должен быть наблюдаем на шлюпе в продолжение всего путешествия. Она отличается подробностью, с какою изложены в ней должность каждого в разных случаях.

17. Привезли на шлюп порох. Капитан уехал в последний раз г. Петербург. Ветер стоит О-й и ночи пресветлые: самое бы удобное было время для нашего плаванья. Жаль, ежели мы его пропустим без пользы и принуждены будем проходить все опасные места, начиная от Кронштадта до Немецкого моря, в темные и, может быть, бурные ночи.

18. Пребыли мы в бездействии. Вся работа состояла в поднятии брам-стенг.

19. В восемь часов утра приехал капитан наш из Петербурга. После обеда подняли барказ и шестерку на ро-стеры и приняли, как говорит капитан, вид готовности.

20. Происходило у нас водоосвящение и молебен о благополучном путешествии; после молебна кропили

все судно освещенною водою. О! С каким усердием преклоняли мы колена свои пред всевышним... *(Не разобрано одно слово.)* всех лаг и молили его о еже попустить совершити нам водное путешествие наше здраво и не-вредимо и возвратиться безмятежно восвояси во славу отчизны нашей, в пользу человечества и свою. При провозглашении многолетствия палили мы изо всего снаряда по одному выстрелу; это было очень кстати, потому что нам нужно было и без того прочищать пушки.

Мы теперь совершенно почти готовы; ждем только экстраординарной суммы, которую Муравьев и Кутыгин в Петербурге принимают. Сегодня получил капитан известие, что министр переменял намерение свое быть у нас перед отходом... Следовательно, нас здесь ничего не удерживает, кроме денег...

21. Капитан противу чаяния нашего уехал опять в Петербург, но, конечно, уже в последний раз.

22. Слухи из Петербурга не весьма приятны. Говорят, будто в приеме денег происходят большие остановки и что он еще не скоро будет окончен. Это не весьма забавно: ветер стоит благополучный и луна по ночам много ли, мало ли, но светит.

Между тем время настало весьма холодное, приближение осени весьма ощутительно.

23. Сегодня, ко всеобщему удовольствию нашему, привезена экстраординарная наша сумма, состоящая из семи бочонков серебра, весом около 42 пудов, и одного бочонка голландских червонцев весом около 13 пудов, всего ценою почти на $\frac{1}{2}$ миллиона банковыми ассигна-

циями. Прежде положено было взять половину экстраординарной суммы наличными деньгами, другую же кредитивами на Лиму и Рио-Жанейро; но министр финансов не решился дать кредитивов, в действительности которых он не был уверен, и потому вся сумма отпущена наличными деньгами.

Наконец ничто нас здесь не удерживает; насилиу дождались мы этого времени! Капитана ждем мы сегодня в ночь; итак, ежели ветер не попрепятствует, то с Божией помощью можем мы завтра и сняться.

24. Капитан приехал в седьмом часу поутру; ветерочек был благополучный, и мы намерены были сняться, но к полудню он переменялся и сделался нам противный. Я полагал, что капитан был в Петербурге в последний раз, но сегодня вечером он опять туда поехал. О, любовь! Любовь...

25. Поутру приехал капитан, раздосадованный напрасною поездкой в Петербург; приехал он туда поздно, уехал же, по причине благополучного ветра, рано и потому никого не видал. К полудню ветер по-вчерашнему переменялся, и мы, ко всеобщему огорчению, должны были опять остаться; но пополудни около шестого часа ветер задул от ОНО; всякий, или, лучше сказать, никто не может вообразить радости, которую мы при сем почувствовали; однако же должны были терпение свое подвергнуть новому испытанию: капитан, неизвестно почему, положил не сниматься до утра...

26. Наконец настал вождеденный и столь долго ожидаемый нами день. Поутру при восхождении солнца и до

восьмого часа был совершенный штиль; однако же колдун не переставал колдовать в нашу пользу: около девятого часа началось маловетрие от NO; мы колебались между страхом и надеждою, но наконец подул тихий ветер от NO; тотчас отдано было приказание от дать... *(Не разобрано одно слово.)* с пушечным выстрелом; с какою радостью исполнено было сие приказание! По сему сигналу катер, бывший на берегу, с пассажирами приехал, и мы в половине девятого снялись с якоря и пошли в море. При наполнении парусов салютовали крепости семью выстрелами, на что нам равным числом отвечивали. На брандвахте, когда мы мимо ее проходили, поставлены бы ли люди по сеткам, кои желали нам счастливого пути троекратным ура! Здесь простились мы с провожавшими нас приятелями; какое каменное сердце не было бы тронуто сею картиною!.. Сердечные их желания нам сопутствовали; теплые молитвы возносились к престолу всевышнего!

Наконец мы одни, думал я, и не мог удержаться от слез... Наконец сделано начало тому делу, чрез которое могу я себе приобрести опытность, репутацию и самое счастье... При сей мысли все наставления благодетеля моего И[вана] С[аввича] С[ульменева] представились моей памяти! Так! Почтенный, чувствительный человек, ты не обманешься в своей надежде; воспитанник твой будет тебя достоин. Хорошее поведение, усердие к службе и наблюдательность — вот средства, кои будут мне очищать дорогу [...] *(Опущено описание плавания от Кронштадта до берегов Бразилии.)*

БРАЗИЛИЯ

[4 ноября — 1 декабря 1817 г.]

Н а рассвете открылся весь берег от Фрио до Сахарной Головы, лежащей у входа в Рио-Жанейрскую гавань; он идет почти прямо на W и состоит из высоких, неправильным образом разбросанных, зеленю покрытых холмов; подошва его покрыта белым песком, что делает его весьма отличным; вдоль одного лежат несколько небольших островов.

Сахарная Голова (по-фр[анцузски] *Pain de Sucre*; по-англ[ийски] *Sugar Loaf*) есть наклоненный, конусообразный утес, имеющий глазомерно около 250–300 футов вышины и составляющий SW-оконечность входа в Рио-Жанейро. Он есть самая лучшая примета сего входа; к нему можно подойти весьма близко, а может быть — и вполоть, ибо бока его почти отвесисты.

5. Около одиннадцати часов открылась крепостца Санта-Крус, лежащая на NO сторону... (Не разобрано одно слово.), и в начале 2-го часа были мы уже в устье, тут легли мы в дрейф и послали в Санта-Крус мичмана Врангеля спросить, будет ли нам на наш салют равным числом

ответствовали; вскоре возвратился он с удовлетворительным известием, и мы салютовали сей крепости 7 выстрелами, на что они нам равным числом отвечали.

Вскоре приехал к нам португальский морской капитан и, как мы после узнали, королевский адъютант, который и повел нас на рейд; в 3 часа положили мы якорь на глубине 14 $\frac{1}{2}$ сажень, грунт — ил; дно в рытвинах, ибо, отдавши несколько канату, глубина оказалась 20 саж[ень], а вслед за тем 9 саж[ень]. При положении якоря пеленги: крепость Санта-Крус SO 32°, вершина Сахарной Головы SO 9°; крепость, лежащая на NW от города SW 73° 30' — в расстоянии около 1 $\frac{1}{2}$ мили от города. Кажется, что занятое нами место есть лучшее, ибо не закрыто ничем от дующего ежедневно морского ветра, которым воздух несказанно прохлаждается и без которого жар был бы несносен.

Вскоре салютовали главной крепости двадцатью одним выстрелом, на что нам равным числом отвечали; мы этого и ожидали, но приезжавшие после того к нам изъявляли свое в том удивление, ибо португальцы редко бывают так учтивы, что испытал на себе приходивший сюда в конце прошедшего года с двумя судами нашей Американской компании «Кутузовым» и «Суворовым» капитан-лейтенант Гagemейстер; на салют его не было ему сделано ниже выстрела, и когда он объявил свою претензию, то ему отвечали, что это сделано по ошибке и что ему будет салютовано при его отсюда отправлении, полагаясь на что, он успокоился, но португальцы обещания своего не исполнили; пренебрежение

сие к нашему флагу от столь малозначащей державы стоило бы того, чтобы потребовать от нее отчета, но мне неизвестно, чтобы кто-нибудь о том хлопотал, и кажется, что дело сие предано забвению, хотя и находился еще тогда при здешнем дворе министр наш Балк-Полев.

Многие мореходцы, бывшие в Рио-Жанейро, советуют судам, туда идущим, не держаться берега, обогнувши мыс Фрио, ибо, говорят они, ветры с берегу ощутительны до сего расстояния; пред полуднем же бывает обыкновенно штиль, а после свежий морской ветер SO; и потому должно удалиться несколько от берега, а при наступлении морского ветра держать прямо во вход. Мы собственным опытом узнали, что это не совсем справедливо: державшись берега как нельзя ближе, имели мы с вечера и до самых тех пор, как положили якорь, восточный ветер, сначала поистине довольно тихий, но потом весьма посвежевший. Капитан Макинтош, находившийся в службе английской Ост-Индийской компании, говорит, что в первое его путешествие, державшись берега, имел он пятидневное весьма неприятное и весьма трудное плавание прежде, нежели вошел в порт, вместо того, что, держав мористее, совершил он то же плавание менее, нежели в двадцать четыре часа безо всякой трудности и неприятности; мы, несмотря на то, что держались берега, совершили плавание наше также менее, нежели в двадцать четыре часа, и также безо всякой трудности и неприятности; и потому я полагаю, что случившееся с капитаном Макинтошем должно приписать не одной близости берега, а какой-нибудь посторонней причине,